

Журнал и книга (приложение к сов. журналу) — 1990 — 8 апреля (№ 6) — с. 16.

Что ему Гекуба?

Любопытный парадокс: чем значительнее актерская индивидуальность, тем чаще, взявшись за перо, мы отдаемся нахлынувшей волне банальных ассоциаций и устремляемся по вымощенной штампами дорожке од и дифирамбов. Владимиру Зельдину стало привычным адресовать эпитет «легендарный». В мозаике ролей, удач, планов магическое — Учитель танцев! — всегда оставалось своего рода паролем, традиционным рефреном любого эссе. Однако день нынешний для Центрального академического театра Советской Армии, чья «безгоризонтная» сцена помнит триумф московского Альдемаро, — пожалуй, не самый безоблачный. Так что же значит это действительно прославленное имя в жизни ЦАТСА сегодня?

Нина САЗОНОВА, народная артистка СССР:

— Об уникальности Зельдина-актера, его виртуозном владении всеми выразительными средствами живого театра искусствоведами и критиками сказано немало. Для таких «мамонтов», кстати, и придуманы определения: «универсальный», «синтетичный». Но неповторимое обаяние этой личности, разумеется, прежде всего известно его коллегам и друзьям. Доминирующее начало натуры Зельдина — сочетание героики и романтизма (даже слова-то эти, кажется, исчезли из лексикона). Мне кажется, здесь следует искать источник его неутомимой жизненной активности. В промежутках между бесконечными репетициями, спектаклями, гастролями он успевает вникать в проблемы художников и костюмеров, бутафоров и помрежей... Вне зависимости от его формальной принадлежности ко всевозможным бюро и комитетам к Зельдину за помощью устремляются десятки людей. Работая в ЦАТСА уже 45 лет, он не научился пренебрегать понятием «честь театра», не привык стесняться его старомодной возвышенности.

Лариса ГОЛУБКИНА, заслуженная артистка РСФСР:

— Представить себе наш театр без Зельдина, вне Зельдина, обособленно от Зельдина — я не в силах. И дело не только в том, что он остается моим основным и, конечно же, любимым партнером на протяжении не одного десятилетия. Вливающаяся в труппу молодежь

почти инстинктивно, каким-то внутренним чутьем выделяет Владимира Михайловича из плеяды великолепных мастеров старшего поколения, избирая его образцом, эталоном рыцарского отношения к делу всей жизни. По собственному опыту знаю, что и для зрелого актера этот идеал не менее притягателен. Зельдин аккумулирует в себе энергию истинного таланта, под воздействием которой трудно сыграть в полтона и «в полноги». Его одержимость сценой способна преодолеть любые невзгоды, любую усталость. У каждого из нас возможны срывы, у него — практически никогда! Это Артист не по профессии, но по предназначению судьбы, и без ему подобных театр — пуст, мертв, бессмыслен. В «преисподнюю кулис», где неизбежны интриги, капризы, претензии мелочного самолюбия, он вносит подлинно театральную атмосферу.

Владимир Михайлович умеет осознавать бег времени и серьезно, и с легкой иронией, а порой, кажется, и задерживать его, подобно сыгранному им фантазеру Мюнхгаузену.

Федор ЧЕХАНКОВ, заслуженный артист РСФСР:

— Уверен, сегодня Зельдин необходим нашему театру даже больше, чем когда бы то ни было. К сожалению, из ЦАТСА постепенно вытесняется многое, что некогда составляло его гордость и славу. Кроме того, отчетливая общетеатральная тенденция — уход от открытого политизирования, возвращение на круги искусства — выявляет острейшую потребность современной сцены в мастерах, сохранивших опыт лучших российских школ. В благородстве манер Зельдина живут традиции Малого и Художественного театров, в его голосе опытный театрал «слышал» интонации Остужева и Южина, а видевший его Альдемаро любовался красками вахтанговской палитры.

Зельдин обладает главным, на мой взгляд, для нас, лицедеев, достоинством — куражом! Только прирожденный артист может год за годом участвовать в некоем производственном процессе, не индифферентно «работать», а играть с отдачей, с пылом, с наслаждением. Его поразительная репертуарная загруженность объясняется не только феноменом работоспособности, но и природной страстью к иг-

ре, зрелищу, перевоплощению. В то же время никакие посторонние соображения не заставят его увлечься пьесой, не соответствующей по звучанию его внутреннему камертону.

Гармоничность бытования Зельдина в создаваемых им образах доселе раскрывалась в основном на комедийном материале. Однако, мне кажется, грядет закономерный поворот этого актера к ролям сугубо драматическим. Мне бы хотелось, чтобы он был заявлен пьесой Г. Гауптмана «Перед заходом солнца».

Возрождение нашего театра, безусловно, в огромной мере будет связано с его творческим потенциалом.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

